

**ИЗОБРЕТЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-БЕЛОРУСОВ УНИВЕРСИТЕТА СТЕФАНА
БАТОРИЯ (1919-1939) НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ
БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Мостыка А. И.

*Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь;
mastyka@gmail.com*

Дан анализ периодических изданий белорусских студенческих организаций Университета Стефана Батория (1919–1939) в Вильно. Белорусское студенческое сообщество стояло перед необходимостью формирования своей собственной традиции, которая бы позволила сохранить единство в условиях политических разногласий внутри белорусского движения и внешнего польского культурного влияния университета и доминирования в молодежной среде польских студенческих организаций. К основной задаче, которую ставили перед собой печатные органы белорусских организаций, можно отнести выполнение так называемых идейно-воспитательных функций среди своих коллег с целью выработки общей идейной и ценностной платформы, которая бы консолидировала все белорусское студенчество. В данной связи студенческая пресса лучшим образом может продемонстрировать, какие именно исторические сюжеты и периоды, какие известные национальные деятели или важные общественно-политические и культурные образования (организации, институты и т.д.) легли в основу этой традиции. Также возможно определить, что с позиций студенчества составляло те национальные культурные ценности и места памяти, которые были способны интегрировать белорусскую студенческую молодежь разных идейных воззрений.

Ключевые слова: Университета Стефана Батория; Западная Беларусь; Белорусское студенческое движения; Белорусский студенческий союз; Корпорация «Скарынія».

**INVENTION OF OWN TRADITION: HISTORICAL VIEWS OF BELARUSIAN
STUDENTS OF STEFAN BATORY UNIVERSITY (1919-1939) BASED ON ANALYSIS OF
PRINTED PUBLICATIONS OF BELARUSIAN STUDENT ORGANIZATIONS**

A.I. Mastyka

*National Institute for Higher Education, Moskovskaya str. 15, Minsk 220007, Belarus;
mastyka@gmail.com.*

An article on the analysis of periodicals of Belarusian student organizations at Stefan Batory University (1919-1939) in Vilnius. The Belarusian student community was faced with the need to form its own tradition, which would allow maintaining unity in the context of political disagreements within the Belarusian movement and the external Polish cultural influence of the university and the domination of Polish student organizations in the youth environment. The main task of the print media of Belarusian organizations can be called the so-called ideological and educative functions among their colleagues in order to develop a common ideological and value platform that would consolidate all Belarusian students. In this regard, the student press can show us in the best way what historical subjects and periods, which famous national figures or important socio-political and cultural entities (organizations, institutions, etc.) formed the basis of this tradition. We can also identify national cultural values and places of memory which, from the standpoint of students, were able to unite Belarusian students with different ideological views.

Key words: Stefan Batory University; Western Belarus; Belarusian student movement; Belarusian student union; Student corporation «Scorinia».

Воссоздание университета в Вильно в октябре 1919 г. было действительно важным шагом в культурно-просветительском развитии региона. Академическая традиция предшествующего Виленского Императорского университетом была прервана в 1832 г. Последнее же учебное заведение статуса, близкого к высшей школе, – Медико-хирургическая академия – была закрыта в 1842 г. Тогда же была переведена в Петербург католическая Духовная Академия. Почти столетнее отсутствие высшей школы в Северо-Западном крае, обусловленное в первую очередь политическими причинами, тормозило процессы модернизации региона, его социально-экономическое развитие, индикатором чего являлся показатель низкой

грамотности населения [22, с. 169–188]. Таким образом, открытие университета Стефана Батория (УСБ) в Вильно позволило жителям Западной Беларуси, на тот момент составной части Польского государства, получать высшее образование не только за границами страны, но и непосредственно в своем крае. Соответственно – с первых лет существования УСБ в Вильно формируется группа белорусских студентов, которая на протяжении межвоенного периода кристаллизуется в постоянное организованное сообщество, обладающее собственной традицией, структурой и репрезентативными органами в виде печатных изданий.

Однако важно отметить и те особенности, в которых формировалась данная молодежная группа. Именно в Западной Беларуси, негласной столицей которой являлось Вильно, белорусское национально-освободительное движение достигло своей зрелости, то есть смогло сформировать полноценное массовое движение. Студенчество волей-неволей было включено в национальные процессы, как наиболее прогрессивная и образованная часть общественности. Одновременно, в лице своих лидеров, студенчество осознавало свое значение и роль, которую оно отыгрывает в разворачивающихся событиях. Поэтому студенческому движению важно было занять свою особую общественную позицию и быть организованным так, чтобы представлять действительную сплоченную силу, заложить в фундамент своей организации крепкие консолидирующие основы, которые обеспечивали бы единство при возможной разнородности политических позиций участников.

С другой стороны, студенты находились в «чужеродной» культурной среде, так как университет был польским и, во многом, его миссия была изначально направлена на усиление «полонизации» как политической, так и культурной на восточных «крессах». Правда, нельзя сказать, что польская культура, исторически сложившись как культура высших социальных слоев на этих землях, была чем-то чуждым для белорусов. Однако в эпоху расцвета национальных тенденций и конкуренции различных национальных проектов, для национально сознательного представителя белорусского общества доминирование польской культуры было угрозой и объектом противостояния. К тому же университет позиционировал себя продолжателем славной традиции Императорского университета и Виленской иезуитской академии, которые несли на себе отпечаток польского духа и большой культурной традиции. В добавок ко всему, польская студенческая молодежь имела богатый исторический опыт самоорганизации, который вел свое начало от тайных студенческих обществ Виленского университета. В результате своего развития в XIX в. студенческое движение поляков как в самой Польше, так и университетах Австро-Венгрии и России, имело уже сложившуюся мощную традицию. В этом смысле студенты-белорусы в лице своего молодого национального объединения уступали полякам. Эти обстоятельства имели непосредственное влияние на организацию студенческого движения белорусов и на задачи, которые перед собой ставило студенчество.

Анализируя печатные издания белорусских студенческих организаций, нужно отметить, что особенность этих журналов заключалась в том, что они имели корпоративный характер, предназначались в первую очередь для внутреннего пользования. К основной задаче, которую ставили перед собой данные издания, можно отнести выполнение так называемой идейно-воспитательных функций среди своих коллег. Целями же этого воспитания было: 1) формирование гражданской позиции и ответственности, которую несет перед обществом студент как лицо, обремененное необходимыми качествами и возможностями для артикуляции интересов масс населения; 2) выработка объединяющей платформы, на которой в ситуации сложной внутривнутриполитической обстановки в национальном движении можно было бы сохранить идеологическое единство студенчества; 3) создание чувства сплоченности и духа корпоративизма. Достижение этих целей, в свою очередь, позволило бы решить главную проблему, стоявшую перед организаторами белорусского студенческого движения, – формулировка и создание собственной традиции. Наличие собственной традиции предавало белорусскому студенчеству свою определенную миссию и место в жизни общества, вынося его за скобки политической фрагментированности, которой подлежало национальное движение,

впадающие по этой причине неоднократно в кризисы на протяжении всего межвоенного периода.

В данной связи студенческая пресса лучшим образом может продемонстрировать, какие именно исторические сюжеты и периоды, какие известные национальные деятели или важные общественно-политические и культурные образования (организации, институты и т.д.) легли в основу этой традиции. Также можем определить то, что с позиций студенчества составляло те национальные культурные ценности и места памяти, которые были способны интегрировать белорусскую студенческую молодежь разных идейных воззрений.

В данной публикации исследованы только те издания, которые являлись официальными органами белорусского студенческого сообщества и его централи – Белорусского студенческого союза (БСС). На протяжении своего существования в 1921–1939 гг. организацией выпускались журналы «Наш Шлях», «Студэнцкая думка», а также приложение к журналу «Крыніца» – «Студэнцкая трыбуна», а к журналу «Шлях моладзі» – «Шлях беларускага студэнта»¹.

Хронологически в рамках данного исследования выделены два периода в развитии студенческой печати, которые условно можно разделить на 1922–1930 и 1930–1939 гг. Разделение связано с эпохой «Студэнцкай думкі», которая заканчивается, на наш взгляд, в 1930 г., и возникновением попытки параллельной организации студенчества на несколько других идеологических основаниях. Поэтому также интерес представляет печатный орган студенческой корпорации «Скарынія» – «Новая вярта»². Эта организация вышла из рядов БСС и имела свои специфические представления о форме организации и объединения молодежи. Выделение «Скарыніі» и ее деятельность, а также конфликт и выход из БСС ее членов стало своеобразным водоразделом в истории как студенческой прессы, так и движения студентов вообще.

При этом нужно отметить, что после указанного перелома содержание и качество студенческих изданий БСС изменилось. После 1930 г. вышел только один номер «Студэнцкай думкі» (в 1935 г.), а те студенческие приложения и дополнения, что печатались в других изданиях, носили в большей степени информационный утилитарный характер и имели формат нескольких страниц. Поэтому более важен в исследовательском плане первый период, который и был этапом создания традиции белорусского студенчества. Он символически был подытожен выходом развернутой статьи Станислава Станкевича «История Белорусского студенческого движения» в предпоследнем номере «Студэнцкай думкі» (ноябрь 1930 г.).

История виленского белорусского студенчества – частный случай попытки «изобретения традиции» по Э. Хобсбауму. Традиция здесь выступает как в полном смысле – в виде института (студенческая самоорганизация) со своими ритуалами и внутренним регламентом, – и ментальном: традиции как комплекс исторических представлений и почитаемых культурных ценностей, определяющих групповую идентичность.

На формирование данной традиции оказали влияние условия времени. Важным фоном происходящих процессов были идеи всевозможных «возрождений» – наций, народов, культур, государств – и традиций как таковых. Так, восстановление Виленского университета именовалось возрождением славной традиции *Alma Mater Vlnensis*. Традиция польской студенческой жизни и форм ее организации тоже «возрождалась», «возвращалась в родные стены». В 1920 г. сюда переноситься студенческая корпорация «*Konwent Polonia*», основанная польскими студентами в Дерпте еще в 1828 г. Она, взявшая за основу образцы немецких студенческих товариществ и при этом апеллирующая к наследству виленского общества «Филоматов и филаретов», стала ядром единения польской молодежи в немецких

¹ «Наш шлях» – штомесячнік беларускага студэнцтва, 1922; «Студэнцкая думка» – грамадзка-навуковы і літэратурны мясячнік беларускага студэнства, 1924-1926, 1928-1930, 1935; «Студэнцкая трыбуна» – дадатак да «Крыніца», 1932-1937; «*Ślach białaruskaha studenta*» – дадатак да «*Ślachu moladzi*», 1938-39.

² «*Novaja varta: hramadzka-navukovaja i literaturnaja časapis Biełaruskaj studenskaj korporacyi* «Skorinia»». 1931-1934.

академических центрах Дерпта и Риги. Корпорация сохраняла свою преемственность на протяжении всего XIX в. вплоть до 1918 г., когда было принято решение о переносе в Польшу [30, с. 64]. Восстановление этого студенческого братства, как пример отягощенной историческим наследием традиции, принесло идеи корпорационного движения в университет, поспособствовало развитию самоорганизации студенчества, использованию и других форм объединения (землячества, союзы и т.д.).

Белорусские студенты одними из первых среди национальных меньшинств также преступили к созданию своей организации. Исходя из теории «изобретенной традиции», свойственно удревление своей истории [4, с. 14]. В данном случае это также было важно для формирующегося белорусского студенческого движения. Поэтому непосредственно свою историю БСС начинает с момента самого открытия УСБ. В летописи организации началом деятельности студенческого союза указан 1920 г., все годовщины и юбилеи своей организации студенты отсчитывали именно от этого года. Хотя, как показывают архивные документы и что фиксирует хроника событий, подаваемая в самих студенческих изданиях, устав организации был утвержден сенатом УСБ только в декабре 1921 г. [23, с. 335] Реальная же деятельность начинается с января 1922 г. [11; 28]. Видимо, белорусское студенчество все же смогло самоорганизоваться раньше других объединений нацменьшинств – одновременно с образованием польских организаций и корпораций, которые возникали в 1920 г.

В 1922 г. увидел свет журнал «Наш шлях» – первое печатное издание белорусских студентов. В 4-м номере журнала за этот год была опубликована статья «Студенческая молодежь в белорусском движении» [13, с. 6]. Эта была первая попытка белорусского студенчества на страницах печати проследить свою генеалогию. Вопрос о роли студенчества в национальном движении неоднократно затрагивался на страницах журналов. Ответом на него зачастую являлась ссылка на Ивана Луцкевича как на выдающегося представителя студенчества той поры, сыгравшего важную роль в национальном возрождении [14]. Важной публикацией, которая претендовала на статус основополагающей работы в определении «своих истоков», была статья студента-филолога С. Станкевича «История Белорусского студенческого движения» [15].

Первоначальной генезис белорусского студенческого движения выводился из студенческой среды российских университетов Петербурга и Москвы в 80–90-е гг. XIX в. Его организованными формами назывались белорусские кружки, возникшие в начале XX в. в Петербурге. В частности, назван, как наиболее ранний, «кружок белорусского народного просвещения», основанный в 1902 г. [21, с. 12] В статье С. Станкевича идеологические начала белорусского студенчества видятся уже в тайных обществах «филоматов и шубровцев» – либерально-просветительских кружках, которые существовали в Императорском Виленском университете в начале XIX в. Они, как говорится в статье, «обладали в равной степени глубоким польским патриотизмом и ярко выраженным местным белорусским колоритом» [20, с. 12]. Как носители романтической шляхетской идеологии представители этой студенческой генерации не относятся еще к белорусским национальным деятелям, но как просветители, небезразличные к вопросу развития народной культуры, признаются основателями культурного фундамента для развития белорусской литературы.

Началом собственно белорусского студенческого движения определяются 80-е г. XIX в. и связывается оно с деятельностью белорусских народовольцев и нелегальной газеты «Гомон». Идеология народников называется близкой белорусской национальной идее, как преимущественно крестьянской нации. Далее история белорусского студенчества связывается с деятельностью все того же петербургского «кружок белорусского народного просвещения» и другими кружками и землячествами, возникавшими в университетских центрах России – в особенности после 1905 г. Деятельность первых белорусских партий – «Белорусской революционной громады» и «Белорусской социалистической громады» – также ассоциируется с активной деятельностью белорусских студентов в их

самоорганизации. Автор называет широкую сеть различных студенческих кружков и организаций в России с 1905 по 1918 г. – от Петербурга до Феодосии, а также в заграничных студенческих центрах – Кракове и Таборе (Чехия). Это подчеркивало массовость и значимость данного явления. Отмечается важность именно студенческого периода в развитии белорусского самосознания у большинства национальных деятелей поры национального возрождения [15, с. 14–16].

Интересной особенностью является акцентирование народнического периода в истории студенческого движения. Отсылка к традиции народничества также неоднократно встречается в публицистических статьях на общественно-политическую тематику [6, с. 5; 9, с. 13]. В них подчеркивается важность работы с народом и понимание гражданской ответственности студенчества перед обществом, и, прежде всего, его широкими массами. Идеал народничества понимался как связь с народом. Именно ощущение неразрывной целостности с народом являлось одной из ценностей, которые должна быть присущая каждому студенту, выходцу из народа. Произошедший разрыв интеллигенции с народом, крестьянскими массами рассматривался, как причина всех бед белорусских элит, которые не могут найти широкой поддержки [6, с. 7]. В этой связи студент, недавно вышедший из народных недр, должен был сохранить эту связь и быть готов направить свои таланты и полученные знания на благо народа. Таким образом, «народническая идея» призвана была служить и основой гражданской ответственности, и консолидирующей целью для всех студентов.

Еще одной важной для традиции белорусского студенчества ценностью являлся национальный язык. Определяющее значение языка, важность его развития, кодификация и литературизация были неотъемлемой частью национального проекта, основанного на этнокультурном принципе. Однако для формирующейся белорусской студенческой среды язык имел и конкретные прикладные функции. Это интегрирующая функция и одновременно защитная – в условиях давления (интеллектуального, культурного) доминирующего иноязычного окружения. Стоит также отметить важность для студенческого сообщества признания белорусского языка полноценным, языком академического общения и научной коммуникации и, прежде всего, безусловное признание внутри самого сообщества¹.

Для легитимации белорусского в качестве отдельного полноценного языка и средства научной коммуникации использовались научные публикации этнографов и филологов [7; 12, с. 9–10]. Представление об историко-культурной ценности языка и обоснования необходимости его «возрождения» в качестве высокого языка формировалось при использовании аргументов о письменной культуре Великого Княжества Литовского, языке Статутов ВКЛ и первых восточнославянских печатных книг Ф. Скорины [3; 8; 16]. Старобелорусский язык, доминировавший в момент «расцвета» ВКЛ, приравнивался по своему значению к немецкому и чешскому языкам эпохи Реформации, а фигуры просветителей и книгопечатников Ф. Скорины и В. Тяпинского назывались равными М. Лютеру и Я. Гусу [3, с. 7–10]. Так, эпоха XVI в. с явлением языковой эмансипации сравнивалась с современными событиями возрождения наций, что придавало развитию белорусского литературного языка характер исторический закономерности и неизбежности.

Особое место отводилось в истории развития белорусского литературного языка деятельности Ф. Скорины. Его напечатанным переводам отдельных книг Библии наделили белорусский язык сакральным смыслом и превратили его в язык просвещения, что выводило на уровень мировых языков [5]. Любопытно так же, что издание Статутов ВКЛ и роль в этом Льва Сапеги рассматривалось не с точки зрения их государственной и юридической значимости в истории белорусско-литовской государственности, а, в первую очередь, с лингвистической перспективы,

¹ В начале 1920-х гг. выпускники польских и русских школ в недостаточной мере владели письменным белорусским языком, ментально ощущали превосходство «исторических», «церковных/костельных», «государственных», «панских/дворянских» и т.д. языков. Как показывает университетская статистика, не для всех белорусов по национальности белорусский язык был родным.

подчеркивая, что старобелорусский язык имел важный политико-дипломатический статус [25].

Большая отдельная литературная секция в журналах периода «эпохи» – «Студэнцкая думка», включающая литературоведческий анализ произведений и непосредственно студенческую (и не только) прозу и поэзию, тоже предполагала, по-видимому, демонстрацию возможностей белорусского языка в сфере изящной словесности.

Не оставались без внимания публикации памятные даты и события. Главной датой, которая становилась предметом празднований, было 25 марта – день оглашения 3-й Уставной грамоты Белорусской Народной Республики, провозгласившей независимость. Эта дата отмечалась ежегодно: практически каждый год один номер студенческой прессы посвящался памяти об этом событии. Члены БСС принимали деятельное участие в празднованиях по этому случаю, которые в Вильно в межвоенный период обрели форму торжественного ритуала, включавшего в себя митинг-шествие, церковную службу (православную и католическую) и т.д.

Акт 25 марта являлся провозглашенным, но не сбывшимся идеалом обретения государственной независимости и свободы национального общественно-культурного развития, достижение которого представлялось целью, объединявшей все национально ориентированные силы. Руководство БСС, заявляя свою независимую позицию и отрицая какую-либо политическую ангажированность, утверждало, что нашим главным идеологическим ориентиром является Акт 25 марта [12, с. 11]. Данная идея независимости так же подразумевала и независимость политическую – как внутрипартийную, так и от всяческого влияния идеологии внешних сил с запада или востока [12, с. 13]. Таким образом, в идею 25 марта 1918 г. идеологами белорусского студенческого движения вкладывался мощный гражданский и национальный консолидирующий потенциал.

Выдающейся личностью, с которой связано наибольшее число разнообразных коммеморационных событий, отмечаемых на страницах студенческих журналов, являлся Иван Луцкевич. Активнейший деятель национального движения, основатель и издатель первой белорусской газеты «Наша Нива», один из организаторов Белорусской Социалистической Громады и творцов Акта 25 марта умер через год после провозглашения независимости. Эта фигура была очень удобной для поминовения, являлась и воплощением истории, и сотворцом современности. Безвременный уход И. Луцкевича оставил незапятнанным его имя в тех политических дрязгах и внутривнутриполитической расколе, что воцарились в руководстве БНР и движении в целом после 1918 г.

БСС отмечал круглые годовщины со дня смерти И. Луцкевича, проводились траурные мероприятия, этому же событию отводились отдельные выпуски студенческого журнала [17, с. 24; 18, с. 2–11; 19, с. 28–31]. И. Луцкевич назывался начинателем белорусского студенческого движения и его лидером, примером искреннего служения студента-интеллекта национальным интересам. А также продолжателем идей К. Калиновского и Ф. Богушевича, сумевшим во многом воплотить их в жизнь. По числу отсылок и упоминаний, встречающихся в студенческой прессе, И. Луцкевича можно назвать наиболее популярной исторической фигурой и примером беспрекословного авторитета и признания.

Как уже отмечено, белорусское студенческое сообщество находилось под влиянием окружающей его польской студенческой среды. В первую очередь, имеется в виду влияние форм организации польской студенческой молодежи и ее богатой традиции. Наблюдается не конфликт традиций, а их некоторое сближение, попытка преодолеть идеологическую закрытость белорусского движения. Такая необходимость – если не присоединиться, то адаптироваться к существующей «краёвой» польской традиции – можно наблюдать на примере восприятия фигуры Адама Мицкевича. Адаптация наследия поэта шла через анализ его литературного творчества и выявление близости литературных повествований, передаваемых выдающимся поэтом образов и колорита традиционных белорусским сюжетам.

Наблюдалась идеологическая эволюция, которая в плане исторических представлений включала в свой нарратив элементы общей польскоязычной «краёвой» культуры и ее представителей. Данная тенденция первоначально наблюдается в направлении литературоведения через опосредованное влияние старших представителей интеллектуальной элиты. Так, в «Студэнцкай думцы» публикуется статья Антона Луцкевича «Вильно в белорусской литературе», где первым пиитом белорусской литературы именуется Владислав Сырокомля, который при этом называется носителем донациональной шляхетской идентичности [10]. Это перекликается с представлением С. Станкевича в «Истории белорусского студенческого движения» о «филоматской» генерации студенчества Виленского университета XIX в. как о представителях шляхетской романтической идеологии. Сам С. Станкевич защитил диссертацию на степень магистра филологии по теме «Белорусские начала в творчестве Элоизы Ожешко» [24, с. 1–2]. Подобные трансферы идей сопровождалась и перениманием непосредственных форм. Так, в 1930 г. БСС ввел собственные фуражки и значки с гербом своего союза, схожих с теми, что были у польских корпораций [19, с. 35].

Важный поворот в жизни белорусского студенческого сообщества произошел в 1930 г., когда группа студентов, членов БСС, организовала собственную белорусскую корпорацию «Скарынія». Это событие можно назвать попыткой легализоваться в польской студенческой традиции, порвав тем самым определенную замкнутость белорусского студенчества. Большинство членов БСС к этому отнеслось отрицательно, и «скориновцы» вынуждены были покинуть членство в Союзе. Обратим внимание на то, какие изменения привнесли в собственную традицию (на тот момент почти 10-летнюю) «скориновцы», приняв формы организации польской корпорации, и изменились ли их идеологические представления.

Первое – это язык, точнее латинский шрифт или белорусский вариант латинки. До 1930 г. студенческая пресса не пользовалась латинским шрифтом, в отличие от других белорусских изданий. Это имело консолидирующее значение: чтобы не демонстрировать какую-либо внутреннюю разнородность своих членов, даже на уровне приверженности к той или иной форме написания (за этим часто стояло конфессиональное разделение – кириллица была шрифтом православных, а латинка католиков). Также это была и форма внешней обособленности от польскости и акцентирования национальной специфики. Использование в своем издании исключительно латинского шрифта (зачастую западнобелорусская пресса пользовалась смешанным написанием) говорило об однозначной ориентации, что было заметно и в коммеративной практике, которой корпорация стала активно пользоваться по примеру своих польских коллег. Главным памятным событием, которое определило для себя корпорация в организации торжеств, по поводу которого принимало самое непосредственное участие, стало Слуцкое восстание [29, с. 2–3] и поминовение памяти его участников [27, с. 32]. Восстание было антибольшевистским и являлось эпизодом войны 1919–1921 гг. Участвовавшие в ней вооруженные формирования в дальнейшем вошли в состав Войска Польского. В этом смысле памятное событие могло считаться примером совместной борьбы с поляками за независимость. Поэтому корпорация получила активную поддержку на проведение необходимых мероприятий со стороны властей. Но со стороны белорусской общественности позиция корпорации получила определение «белорусской санации».

В своих статьях члены корпорации активно апеллировали к национальной истории, используя, прежде всего, героические сюжеты вроде того же Слуцкого восстания либо образы выдающихся личностей: канцлера Л. Сапеги, просветителя Ф. Скорины, литераторов Я. Купалы и Я. Колоса [28, с. 4–15]. Во многом дискурс повествования «скориновцев» можно назвать даже более националистическим, чем у БСС. Однако открытый антисоветизм, критика социалистического крыла (как большевистской угрозы) и клерикализма христианских демократов [26] трактовались белорусской общественностью как выбор членами корпорации определенного культурно-исторического вектора – западноевропейского через посредничество

Польшы. Это шло в разрез с идеологией и традицией, свойственными БСС – придерживаясь строго независимого статуса, быть «между».

Корпорация просуществовала около 4 лет и была распущена по решению Сената УСБ по причине внутреннего кризиса, который организация не смогла преодолеть. Однако в 1930-е гг. происходит дальнейшая поляризация политических и идеологических взглядов внутри студенческого сообщества. Исследование последовавшей партийной разобщенности необходимо проводить уже на основании периодических изданий, которые представляли то или иное идеологическое течение. Например, журнал «Шлях моладзі» являлся печатным органом молодежного крыла христианских демократов, которые в 1930-е гг. имели значительное влияние на БСС.

Библиографические ссылки:

1. Адам Міцкевіч на Беларусі // Студэнская думка: грамадзка-навуковы і літэратурны мясячнік беларускага студэнства. 1924. Г. 1, № 1. С. 14-16.
2. Баляда «Свіцязь» А. Міцкевіча // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1925. Г. 2, № 2(3). С. 6-8.
3. Гальнец А. Аб аргумэнтах ад розуму і аб аргумэнтах ад сэрца // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1925. Г. 2, № 1(2). С. 6-12.
4. Гобсбаум Е. Вступ: винаходження традицій // Винайдення традиції. Київ: Ніка-Центр, 2005. С. 12-29.
5. Доктар Францішак Скарына // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1925. Г. 2, № 3(4). С. 2-4.
6. Клімовіч А. Студэнскім Шляхам // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1929. Г. 5, № 1(11). С. 4-8.
7. Леўчык Г. Праф. Карскі аб беларускай мове // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1925. Г. 2, № 4(5). С. 7-10.
8. Маркотны Ф. Родная мова – скарб народу // Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 1. С. 4-6.
9. Маркотны Ф. Сучаснасць і будучыня // Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 2-3. С. 13-15.
10. Навіна А. Вільня ў беларускай літэратуры // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1925. Г. 2, № 5(6). С. 1-13.
11. Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 1. 28 с.
12. Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 2-3. 28 с.
13. Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 4. 28 с.
14. Памяці Івана Луцкевіча // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 1(12). С. 4.
15. Станкевіч С. Гісторыя Беларускага Студэнскага Руху // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 3(14). С. 12-20.
16. Станкевіч С. Шануйма народныя вартасці! // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 2(13). С. 26-28.
17. Студэнская думка: грамадзка-навуковы і літэратурны мясячнік беларускага студэнства. 1924. Г. 1, № 1. 40 с.
18. Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 1(12). 32 с.
19. Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 2(13). 41 с.
20. Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 3(14). 48 с.
21. Студэнцкая Моладзь у беларускім руху // Наш шлях: штомесячнік беларускага студэнства. 1922. Г. 1, № 4. С. 12-13.
22. Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Мн.: БГУ, 2004.
23. Центральный Государственный Архив Литвы (ЦГАЛ) Ф. 175. Оп. 1. Ед.хр. ІА574.
24. ЦГАЛ. Ф. 175. оп. ІVСа. Ед.хр. 1439.
25. Шкелёнак М. 400-лецьце Літоўскага Статуту // Студэнская думка: часопісь беларускага студэнства. 1930. Г. 6, № 1(12). С. 13-17.

26. Baračba z intelektam // Novaja varta: hramadzka-navukovaja i literaturnaja časapiś Biełaruskaj studenskaj korporacyi “Skorinia”. 1934. № 3. С. 3-5.
27. Novaja varta: hramadzka-navukovaja i literaturnaja časapiś Biełaruskaj studenskaj korporacyi “Skorinia”. 1931. № 1. 32 s.
28. Novaja varta: hramadzka-navukovaja i literaturnaja časapiś Biełaruskaj studenskaj korporacyi “Skorinia”. 1932. № 2. 32 s.
29. Novaja varta: hramadzka-navukovaja i literaturnaja časapiś Biełaruskaj studenskaj korporacyi “Skorinia”. 1934. № 3. 16 s.
30. Tomaszewski P. Polskie korporacje akademickie w latach 1918-1939. Poznań: Cyncero, 2011.

УДК 94(476) «18/19»:930

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1861–1914 ГГ.: ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. С. Моторова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; motorova@ro.ru*

Охарактеризована отечественная историография, посвященная реализации государственной социальной политики на белорусских землях в 1861–1914 гг. Объектом исследования выступает историография истории Беларуси пореформенного периода. Цель – анализ работ белорусских ученых, посвященных изучению различных аспектов социальной политики Российской империи на территории Беларуси. В развитии отечественной историографии выделено три этапа. Первый этап охватывает 1920–1930-е гг. В это время были подготовлены работы В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского, Д. А. Дудкова, в которых указывалось на существование социальных проблем в пореформенный период. На втором этапе (1950–1980-е гг.) в исследованиях, выполненных И. И. Саладковым, А. И. Кожушковым, Л. П. Липинским, В. П. Панютичем, подчеркивалось, что нерешенные социальные проблемы способствовали пауперизации населения. Белорусские ученые уделяли внимание анализу таких направлений государственной социальной политики, как социальное страхование (З. Е. Абезгауз, М. Ф. Болбас, М. О. Бич) и здравоохранение (Г. Р. Крючок). Они подчеркивали, что проводимые мероприятия правительства не соответствовали реальным потребностям населения. Третий этап охватывает период с 1990-х гг. и по настоящее время. На этом этапе белорусскими учеными были подготовлены работы, посвященные развитию социальной помощи и благотворительности (С. Ф. Шимукович, А. Д. Григорьев), организации здравоохранения (Е. М. Тищенко). Однако феномен социальной политики на территории Беларуси в пореформенный период не получил комплексного изучения.

Ключевые слова: социальная политика; Российская империя; белорусская историография.

SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES IN 1861–1914: OVERVIEW OF NATIVE HISTORIOGRAPHY

N. S. Motorova

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; motorova@ro.ru

Describes the native historiography devoted to the implementation of state social policy on the Belarusian lands in 1861–1914. The object of research is the historiography of the history of Belarus of the post-reform period. The purpose of the scientific article is to analyze the works of Belarusian scientists devoted to the study of various aspects of the social policy of the Russian Empire in Belarus. There are distinguished three stages in the development of native historiography. The first stage covers the 1920–1930s. At this time in the works of V. M. Ignatovsky, M. V. Dovnar-Zapolsky, D. A. Dudkov it was indicated the existence of social problems in the post-reform period. At the second stage (1950–1980s) in the studies performed by I. I. Saladkov, A. I. Kozhushkov, L. P. Lipinsky, V. P. Panyutich were emphasized that unresolved social problems contributed to pauperization of the population. Belarusian scientists began to pay attention to the analysis of such areas of state social policy as social insurance (Z. E. Abezgauz, M. F. Bolbas, M. O. Bich) and